

* * *

облака сугробы неба
тяжело нести
вместо молока и хлеба
снега гроздь в горсти
мы идем в открытом снеге
окунаем джинсы ног
рифмы следи и телеги
устарели но
мы с тобой зачем природе
наш вопрос решен
это кто-то новый ходит
куртка капюшон
это кто-то новый ищет
ищет не найдет
снегом смотрит ветром свищет
поездом идет

* * *

Чтоб выбраться на кладбище, мы ждали
большого праздника – тогда дают автобус,
и не один, а много, друг за дружкой.

И тысячи самарцев безмашинных
все в этот день торопятся с утра
по разным направлениям за город.

Мы мчимся к автостанции «Аврора»,
с трамвая на автобус специальный
враз перепрыгнув, едем на «Рубёжку»
(я, маленькая, думала – «рыбешка»).

Вот Пасха или даже День Победы –
по улице кладбищенской иду,
за бабушкой и мамой попевая.

Тут музыканты звонкое играют,
цыганки с малышами просят денег.
Живые едут к мертвым погостить.

Те с фотографий на живых глядят:
что с ними стало – быстро ли стареют,
когда уже навечно будут рядом?

На маленьких глядят: се кто такие?
А, нарожали... Что же – будет, будет...

Теперь и ты, родимая, лежишь
на том же теплом кладбище весеннем.
А мы к тебе – не в праздник, на машине,
в любой обычный день, когда здесь пусто
и нет ни музыкантов, ни цыган.
С твоею дочерью и правнучкой твоей...

На кладбище по линии восьмой
мне к озеру спуститься.
На озере том лебеди бывают...

* * *

зеленой надежды кумыс
степная поволжская знать
придите сюда и вдохните
меж ребер вам травы и ветер
и будьте до самой зимы
найдите отца вам и мать
и ждите как толстые нити
тянуть с вас начнут ваши дети
и стоя овцой во степи
скупые вкушая дары

тугой покрывайтесь вы шкурой
и шерстью златой обрастайте
о том кто собирает репы
о том как сияют миры
о теплой земле красно-бурой
с листа земляники читайте

* * *

Плывите по речке, пустые листочки,
вас дождь протыкает лучами косыми,
на черной водичке промозглые точки.

В прожилках, гляжу, пробивается имя.
Листочки, плывите куда-то оттуда,
не стать вам зарплатными и накладными.

Вдоль берега топать – пока не забуду,
пусть эхо приносит остаток от звука,
ведь я принимаю его, как простуду.

Зачем оставаться? Рука – не порука,
забытое скомкано, сжато в потемках
и ждет не дождется товарища Кука.

А все поместилось в худую котомку,
и не с кем пройти до речного вокзала.
Ока, Ангара, Волга, Кама и Омка –

к Байкалу, к Байкалу...

Бог и обезьяны

Наш мир стоит на рогах быка, те рога в руках обезьян.
С Земли на них падают облака и капает океан.
Обезьяны хохочут, клыки обнажив, скачут по звездным
тропам.
А за те рога, когда Бог был жив, держалась дева-Европа:

«твои обнаженные чресла теперь берега морей
скажи ты зачем исчезла из вечной жизни моей
я вел тебя над мирами была ты луны белей
от зависти умирали стрелец близнецы водолей...»

После нас будет поток, илистый и извилистый,
он снесет наши гробы из утробы Земли в океан,
мы поплывем, и когда к пропасти мы приблизимся,
нам не за что будет схватиться, чтоб не упасть с обезьян.
После нас будет поток, потомки уже прозвали его
«Потоп».

Обезьяны сменяют друг друга, как по часам,
у них на лбах по табличке:

«зделан Я сам
бох ни участвовал ни ва мне
ни в детях маих
ни в маей жане»

А нам смешны обезьяны, мы в жилищах своих строгих,
падая в звездную яму, о грустном думаем боге.
Ты, знаю, грезишь о нем — «а хоть бы они вдвоем».
А я упаду для чего? А я к тебе с ночевой —
подсматривать голос твой, когда говоришь с собой,
слушать, как первый снег, скользя, открывает свет.
Я думал то — божий свет, а это всё твой же свет,

а это всё
твой же свет,

а это всё
твой же свет.